

«Русская грамматика» А.Л. Шлёцера 1764 г.

Статья посвящена истории «Русской грамматики» А.Л. Шлёцера, написанной для иностранцев в 1764 г. на немецком языке. Грамматика не была закончена и долго оставалась неизвестной, хотя могла бы стать очень полезным пособием по русскому языку. Одной из причин этого был негативный отзыв о ней М.В. Ломоносова. Целью данной статьи является описание истории создания «Русской грамматики» А.Л. Шлёцера и доказательство ее ценности как учебного грамматического пособия. В статье освещены возможные причины негативного отзыва Ломоносова о грамматике Шлёцера. Выявлены положения, которые были заимствованы из грамматики Шлёцера другими авторами и в дальнейшем оказали влияние на формирование грамматической системы русского языка. Именно эта грамматика в части «имени существительного» легла в основу учебной «Русской грамматики» Н.И. Греча.

Ключевые слова: *русский язык; родство языков; история русской грамматики XVIII века; имя существительное; склонение; этимология; А.Л. Шлёцер; М.В. Ломоносов.*

Anastasiya A. Kozeruk

«Russkaya Grammatika» («Russian Grammar») by A.L. Shljocer 1764.

The article is dedicated to the history of «Russkaya grammatika» («Russian Grammar») by A.L. Shljocer written for foreigners in 1764 in German. The grammar wasn't finished and stayed unknown for a long time though it could be the useful guidebook on Russian language. One of the reasons was the negative response of M.V. Lomonosov. The article aim is to give the description of «Russkaya grammatika» («Russian Grammar») origin and prove its value as the grammar guidebook. The reasons of the negative response of M.V. Lomonosov of A.L. Shljocer's work are covered in the article. The statements taken by other authors from Shljocer's grammar book and influenced on Russian language grammar system were determined. Particularly this book in part of "nouns" form the basis of training «Russkaya grammatika» («Russian Grammar») by N.I. Grech.

Key words: *Russian language; affinity of languages; 18th century Russian grammar history; noun; declension; etymology; A.L. Shljocer; M.V. Lomonosov.*

Долгое время «Русская грамматика» 1764 г. на немецком языке Августа Людовика Шлёцера (1735–1809) («Russische Sprachlehre» von A.L. Schlözer) оставалась неизвестной. Лишь в 1874 г. она была подготовлена к печати А.А. Куником, но издание

ее было прервано, возможно, по причине одновременного появления русского перевода грамматики Шлёцера В.Ф. Кеневичем [Кеневич 1875]. И только в 1904 г. начатое А.А. Куником дело было доведено до конца С.К. Буличем [Булич 1904].

Грамматика А.Л. Шлёцера относится к одному из лингвистических мифов XVIII в. как грамматика русского языка, издание которой было остановлено по распоряжению М.В. Ломоносова, что вызвало огромный интерес как современников, так и грамматистов XIX в. к ее содержанию наряду с другой «пропавшей» грамматикой В.Е. Адодурова [Никитин 2009].

Для практики преподавания русского языка в XIX в. грамматика Шлёцера интересна прежде всего тем, что к ее материалам обращался Н.И. Греч при составлении

Анастасия Андреевна Козерук, аспирант

E-mail: nastja120793@rambler.ru

Институт лингвистических исследований,
Российская академия наук

Тучков переулок, д. 9, Санкт-Петербург,
199053, Россия

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy
of Sciences

9 Tuchkov lane, Saint Petersburg, 199053, Russian
Federation

Ссылка для цитирования: Козерук А.А. «Русская грамматика» А.Л. Шлёцера 1764 г. // Русский язык в школе. – 2018. – № 6. – С. 82–86. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-6-82-86.

своей известной «Грамматике русского языка» [Приемышева 2017: 71]. Греч пользовался рукописной грамматикой Шлёцера, которая, по его словам, была уничтожена по решению М.В. Ломоносова. «Но, — отмечает Н.И. Греч, — уцелели только три экземпляра. Я пользовался одним из них, и ему обязан моею системою склонений имен существительных» [Греч 1840, 1: 113]. Это очень важное замечание для истории развития русской грамматической мысли, учитывая тот факт, что многократно переиздаваемые «русские грамматики» Греча с конца 20-х гг. до середины 60-х гг. XIX в. служили в России популярными учебными пособиями. Таким образом, система склонения имен существительных, известная нам по настоящее время благодаря грамматической концепции Н.И. Греча, принадлежит именно А. Шлёцеру.

История создания грамматики А. Шлёцера содержит немало интересных фактов. Согласно справке, подготовленной научным сотрудником архива АН Е.С. Кулябко (1900–1991), «Русская грамматика» Шлёцера должна была «затмить “Российскую грамматику” Ломоносова и пошатнуть положение ее автора» [РГ]. Но сам Шлёцер вряд ли имел такое намерение. Написание грамматики русского языка для иностранцев не являлось инициативой немецкого ученого, приехавшего в Россию в 1761 г. и самостоятельно изучавшего русский язык [Кеневич 1875: 34]. Идея написания русской грамматики для иностранцев зародилась у статского советника, библиотекаря и члена правления Петербургской академии наук И.А. Тауберта (1717–1771). В начале 1763 г. во время обсуждения некоторых вопросов русского языка он предложил Шлёцеру составить свою грамматику. Причинами этого послужили неоднократные указания Шлёцера на «...множество неестественных правил и бесполезных подробностей...» в образцовой «Российской грамматике» М.В. Ломоносова. Шлёцер принял данное предложение, так как давно уже занимался сравнением русского языка с родственными ему языками, что считал своим преимуществом перед Ломоносовым [Там же: 154].

Написание грамматики шло очень быстрыми темпами. После четырех месяцев работы Шлёцера над текстом Тауберт сдал в печать еще не дописанную до конца «Русскую грамматику». А чтобы Ломоносов не помешал выпуску грамматики, было даже

найдено подставное лицо, которое согласилось выдать себя за составителя «Грамматики Шлёцера». Такую роль принял на себя голштинiec Иоганн-Фридрих Гейльман, за год перед тем назначенный иностранным корректором в Академическую типографию [РГ]. Такая поспешность, вероятно, обусловливалась тем, что к печати уже готовился перевод «Российской грамматики» Ломоносова на немецкий язык. Тауберт же хотел выпустить грамматику Шлёцера раньше. Согласно отчетам типографии грамматика Шлёцера печаталась вдвое быстрее грамматики Ломоносова [Там же]. Но усилия были напрасными, так как в конце июля 1764 г. Ломоносов узнал о существовании грамматики Шлёцера и о ее печати. После резкого отзыва Ломоносова о грамматике Шлёцера, в котором он обвинял Шлёцера в «сумасбродстве в произведении слов российских» и вреде русской грамматике [Ломоносов 1955: 426–427], издание ее было прекращено.

Действительно ли грамматика Шлёцера была такой «беспорядочной», как описывал Ломоносов? Что же побудило его встать на пути появления в свет нового учебного пособия для иностранцев? Мог ли такой выдающийся ученый бояться конкуренции, так как уже готовился к печати перевод его «Российской грамматики» на немецкий язык? Или стоит иметь в виду причины личного характера?

На самом деле совсем не написание русской грамматики Шлёцером стало поводом к его разногласиям с Ломоносовым. Ведь ее создание совсем не входило в планы немецкого ученого, когда он собирался в Россию. Автора русской грамматики для иностранцев больше интересовала история. Он много занимался древнерусскими летописями и хотел составить путем их сопоставления с летописями других стран русскую историю (для этого он и стремился изучить русский язык). Идея проведения исторических исследований путем критического анализа письменных памятников разных народов скорее всего была почерпнута Шлёцером из диссертации (1758) И. Ире (1707–1780), в которой также была дана трактовка варяжского вопроса с точки зрения шведских ученых [Keipert 2010: 293]. По утверждению М. Петерса, филологические, этимологические и теологические интересы Шлёцера объединились именно во время его пребывания в Швеции (1750-е гг.). В это время Шлёцер знакомится

с исследованиями по русской истории и с нормандской теорией [Peters 2003: 186]. Вероятно, отстаивание Шлёцером точки зрения скандинавских историков в вопросе истории создания русского государства стало одной из причин его разногласий с Ломоносовым. Ведь норманская теория рассматривалась последним как оскорбление национального достоинства [Алпатов 1985: 39]. Русская грамматика Шлёцера содержала мысли о том, что немецкий язык оказывал влияние на русский. Это также могло послужить поводом к неприятию грамматики Ломоносовым. По мнению самого Шлёцера, причиной такой неприязни к нему со стороны Ломоносова было тщеславие последнего:

онъ считалъ себя универсальнымъ гениемъ и претендовалъ на монополію въ русской исторіи [Кеневич 1875: 201].

Ломоносов также мог отстаивать свою монополию и в области языкознания. Тот факт, что иностранец написал русскую грамматику, отступая во многом от правил, сформулированных в «Русской грамматике», и даже поправлял его, безусловно, не понравился Ломоносову [Там же: 202]. Поэтому «Русской грамматике» Шлёцера не суждено было послужить на благо русского языка и способствовать его популяризации за границей. Хотя Шлёцер и включил дальнейшую разработку «Русской грамматики» в свои планы [Алпатов 1985: 40], замечание Ломоносова по этому поводу снова выступило преградой для завершения работы:

Печатающаяся «Российская грамматика» на немецком языке достойна вечного погашения и забвения, затем что внесены в нее многие непростительные погрешности, кои впредь поправлять и истреблять излишний только труд будет [Ломоносов 1955: 428].

Стоит прокомментировать те недостатки, на которые указывает М.В. Ломоносов, а именно ошибочную этимологию некоторых русских слов (см. [Там же: 426–427]). Данные замечания, касающиеся происхождения некоторых слов, действительно правомерны. В защиту Шлёцера можно привести следующие аргументы: этимология как наука сложилась только в XIX–XX вв. В XVIII в. многие ученые, в том числе и автор рассматриваемой русской грамматики для иностранцев, большое значение придавали созвучиям слов, что и приводило

к подобным заблуждениям [Свердлов 2011: 730]. Тем не менее отмеченные погрешности не умаляют заслуги Шлёцера в области языкознания.

Интересной и ценной представляется глава «Родство русского языка с греческим, латинским и немецким». Шлёцер описал сходство этих языков с помощью «корнесловного метода» изучения языков, основанного на известной концепции корневых слов Ю.Г. Шоттеля (1612–1676), согласно которой словарный состав каждого языка строится из ограниченного количества корневых слов [Huterer 2001: 31–35]. Но автор не только сопоставил корни слов основных категорий (числительные, местоимения, слова, обозначающие необходимые понятия), дополнив это сравнение небольшим глоссарием, но и привел в качестве одного из доказательств родства языков флексии глаголов в русском, латинском, немецком, исландском и греческом языках [Булич 1904: 31–64].

Таким образом, мысль об изучении истории языка, его родства с другими языками, а также его происхождения посредством рассмотрения не только корней слов, но и флексий была высказана Шлёцером еще до родоначальника сравнительно-исторического языкознания Ф. Боппа (1791–1867). Появившееся в 1816 г. сочинение Боппа «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системами греческого, латинского, персидского и германского языков» (*Über das Konjugationsystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griech.-lat., pers. und german. Sprache*) считается первой специальной работой по сравнительной грамматике индоевропейских языков [Десницкая 1984: 109]. Однако в своей грамматике А. Шлёцер уже указывает и на родство немецкого языка с персидским, хотя и не приводит доказательств:

Если когда либо придется объяснять родство персидскаго языка с нѣмецкимъ, — одно изъ самыхъ странныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ рѣшенныхъ явленій языка, — то это должно быть сдѣлано посредствомъ славянскаго языка. Да, если когда либо будетъ возможно найти согласіе между восточными языками (еврейскимъ и его братьями) и нашими европейскими и указать ихъ общее происхожденіе, — надежда, которая съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ знакомиться съ славянскимъ языкомъ, болѣе не представляется мнѣ столь нелѣпой, — то славянскій языкъ будетъ имѣть ближайшее право составить переходъ между этими впрочемъ совершенно

различными классами языков и таким образом на целый шаг приблизить нас к важному открытию *linguae primigenie* <первоначального языка> [Кеневич 1875: 444].

Доказательства, вероятно, отсутствуют из-за специфики жанра его работы, ведь целью данного грамматического сочинения было не сравнение индоевропейских языков, а представление русского языка иностранцам, а также ввиду недостатка времени для подробного изучения и обоснование родства языков. Но, тем не менее, сравнение Шлёцером глагольных флексий вышеперечисленных языков с целью указания на их общее происхождение было важным шагом от простого сопоставления лексем языков к сравнению их систем.

Наверняка, «Русская грамматика» Шлёцера оказалась бы полезной и широко применяемой в обучении русскому языку иностранцев. Ведь перевод «Российской грамматики» И.Л. Стаффенгагеном (1728–1784) на немецкий язык, законченный также в 1764 г., был бы довольно сложен, так как являлся очень подробным пособием по русскому языку, как и сама «Российская грамматика». Несмотря на все разногласия Шлёцера и Ломоносова, их сочинения хорошо дополняли друг друга. Критикуя «Российскую грамматику» Ломоносова за сложность и множество неестественных правил, Шлёцер все же признавал ее авторитет и взял из нее многие правила и примеры для своей грамматики.

В качестве примера эффективности применения грамматики Шлёцера в обучении стоит рассмотреть описание автором имени существительного в русском языке. Согласно «Русской грамматике», существительное может иметь три рода (мужской, женский и средний) [Булич 1904: 77] и два числа (единственное и множественное) [Там же: 80]. Автор также отмечает наличие в русском языке существительных *singularia tantum* и *pluralia tantum* [Там же].

Описание падежной системы соответствует актуальному состоянию русского языка. Шлёцер указывает на наличие в русской грамматике шести падежей (именительного, винительного, родительного, творительного, дательного и предложного). Наличие звательного падежа он считает фактом старославянского языка [Там же: 82]. Склонений в «Русской грамматике» выделяется три. Автор относит слово к определенному типу склонения в зависимости от его рода и окончания [Там

же: 85]. Рассмотрение описания других частей речи не представляется возможным, так как текст грамматики обрывается в начале демонстрации следующей части речи — имени прилагательного. Но глава, посвященная имени существительному в русском языке, является хорошим примером для доказательства компетентности Шлёцера в области грамматики русского языка. Описание имени существительного содержит только характеристики, присущие живому русскому языку XVIII в. Правила, сформулированные понятным языком, подкрепляются реальными языковыми примерами.

К сожалению, грамматика А. Шлёцера так и осталась неким научным мифом, хотя, согласно опубликованному тексту, она могла бы стать важным научным явлением и для истории русской грамматики, и для практики преподавания русского языка. Ведь многие иностранные ученые, составляющие основную часть сотрудников Академии наук во второй половине XVIII в., не владели русским языком, что затрудняло их работу и вынуждало обращаться за помощью к переводчикам. К тому же достижение Шлёцером главной цели написания данной работы (знакомства иностранцев с красотой и богатством русского языка, а также правилами его грамматики) способствовало бы развитию русско-немецких отношений и в других сферах, например, политике, торговле и т.д., так как знакомство европейцев с русским языком значительно возвысило бы статус России на международной арене, развеяв миф о ее отсталости.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). — М., 1985.

Булич С.К. Schlözer A.L. Russische Sprachlehre. I—II. Шлёцер А. Русская грамматика. I—II. Съ предисловіем С.К. Булича. Издание Отдѣлення русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. — Санкт-Петербургъ, 1904.

Греч Н.И. Чтения о русском языке. Ч. 1—2. — СПб., 1840.

Десницкая А.В. Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. — Л., 1984.

Кеневич В.Ф. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, имъ самимъ

описанная: Пребывание и служба въ Россіи, от 1761 до 1765 г.; извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ с нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича. Сборник Второго отделения Императорской Академии наук. Экземпляр из домашней библиотеки Г.В. Юдина. — Петербургъ, 1875.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. — Т. 9: Служебные документы. 1742—1765 гг. — М.; Л., 1955.

Никитин О.В. Василий Евдокимович Адодуров (К 300-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2009. — № 5. — С. 104—110.

Приемышева М.Н. Николай Иванович Греч в истории русской филологической мысли (К 230-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2017. — № 8. — С. 68—74.

РГ — Русская грамматика А. Шлёцера. Один из шести уцелевших комплектов отпечатанных листов, подготовленный к печати А.А. Куником. С приложением письма А. Бакмейстера и справки об издании, составленной Е.С. Кулябко на поруч. Г.А. Князева. До 1764 г. / Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Разряд IV. Оп. 1. Ед. хр. 1060.

Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. — СПб., 2011.

Huterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernen der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705—1729) von J.W. Paus. — München, 2001.

Keipert H. August Ludwig Schlözer als Sprachforscher // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 2009. Berlin, New York, 2010. — S. 282—304.

Peters M. Von Göttingen nach St. Petersburg und zurück — Grenzüberschreitungen im Leben und Werk August Ludwig (von) Schölzers (1735—1809) // 300 Jahre St. Petersburg. Russland und die «Göttingische Seele». Herausgegeben von E. Mittler und S. Glitsch. — Göttingen, 2003. — S. 183—199.

REFERENCES

Alpatov M.A. Russkaya istoricheskaya mysl' i Zapadnaya Evropa (18 — first half of 19 century), Moskva, 1985.

Bulich S.K. Schlözer A.L. Russische Sprachlehre. I—II. Shljotser A. Russkaya grammatika. I—II. S predislaviem S.K. Bulicha. Izdanie Otdeleniya russkago yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii Nauk, Sankt-Peterburg, 1904.

Grech N.I. Chteniya o russkom yazyke. P. 1—2, Sankt-Peterburg, 1840.

Desnitskaya A.V. Ponimanie istorizma i razvitiya v yazykoznanii pervoi poloviny XIX veka, Leningrad, 1984.

Kenevich V.F. Obshhestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga Shletsera, im samim opisanaya: Prebyvanie i sluzhba v Rossii, ot 1761 do 1765; izvestiya o togdashednei russkoi literature. Perevod s nemetskago s primechaniyami i prilozheniyami V. Kenevicha. Sbornik Vtorogo otdeleniya Imperatorskoi Akademii nauk. Ekzemplyar iz domashnei biblioteki G.V. Yudina, Peterburg, 1875.

Lomonosov M.V. Complete set of works, Moskva, Leningrad, 1955, vol. 9. Sluzhebnye dokumenty. 1742—1765.

Nikitin O.V. Vasilii Evdokimovich Adodurov (K 300-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, No. 5, 2009, pp. 104—110.

Priemysheva M.N. Nikolai Ivanovich Grech v istorii russkoi filologicheskoi mysli (K 230-letiyu so dnya rozhdeniya), in *Russkii yazyk v shkole*, No. 8, 2017, pp. 68—74.

RG — Russkaya grammatika A. Shletsera. One of the extant sets of printed pages, prepared for printing by A.A. Kunikom. Accompanied by the letter of A. Bakmeistera and the reference of edition by E.S. Kulyabko under instruction of G.A. Knyazeva. Before 1764 / Sankt-Peterburgskii filial Arhiva Rossiiskoi akademii nauk. Razryad IV. Op. 1. Ed. hr. 1060.

Sverdlov M.B. M.V. Lomonosov i stanovlenie istoricheskoi nauki v Rossii, Sankt-Petersburg, 2011.

Huterer A. Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernen der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705-1729) von J. W. Paus, München, 2001.

Keipert H. August Ludwig Schlözer als Sprachforscher // Jahrbuch der Akademie der Wissenschaften zu Göttingen 2009. Berlin, New York, 2010, pp. 282—304.

Peters M. Von Göttingen nach St. Petersburg und zurück — Grenzüberschreitungen im Leben und Werk August Ludwig (von) Schölzers (1735-1809) // 300 Jahre St. Petersburg. Russland und die «Göttingische Seele». Herausgegeben von E. Mittler und S. Glitsch, Göttingen, 2003, pp. 183—199.